УДК 330.34.014

П.С. Лемещенко**ИННОВАЦИОННЫЙ ПАТ: ОТ ПРОГРАММ
К ПОЛИТЭКОНОМИИ РАЗВИТИЯ**

В статье рассматриваются теоретические основы формирования понятия «инновации», его генезис до категории социальных инноваций в общественно-экономической сфере. Выдвигается тезис о том, что степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания. Используются различные подходы к обоснованию социальных инноваций в рамках сравнительного теоретического описания, принадлежащего нескольким экономическим школам. Даются рекомендации по формированию институтов научно-технического развития Республики Беларусь.

Введение

«Пат» в шахматах – положение, при котором один из партнеров не может сделать очередного хода, не подставив под удар своего короля. В этом случае шахматная партия считается законченной вничью. С нашей точки зрения, если быть предельно взвешенным в оценках итогов реализации инновационных программ и всего политико-экономического шума вокруг «инноваций», «новаций», «нововведений» и достижений, лучше следует принять игру с ничейным результатом: общество, фирмы и индивиды мало что поняли и сделали для экономики, но и экономика не приобрела каких-то качественных структурных изменений. Иначе говоря, почти десять лет инновационной риторики в нашей стране завершились нулевой ничьей. «Король», то есть наша социально-экономическая система, если не проиграл, то и не выиграл. Россия пошла по пути «модернизации», ощутив необходимость технического и институционального обновления, а Беларусь приняла очередную директиву по либерализации. Почти как двадцать пять лет тому назад в СССР.

На практике стремление к выживанию еще Робинзоном стало достижимым лишь через те нововведения, которые этот добрый и наивный человек использовал и старался применять в своей далеко не коммерческой, но крайне важной для него самой жизнедеятельности. Также, например, и деньги, банки, капитал явились теми новыми социально-экономическими нововведениями, которые, разрешая известные противоречия, обеспечивали при этом все-таки поступательное развитие техники, технологий, экономических форм, производственных отношений. В экономической науке понятие «инновации» можно найти уже в работах 1920-х годов по теории и практике менеджмента. Однако акцент здесь делался все-таки на организационном аспекте, внедрение же новшеств без особых затрат также способствовало как повышению эффективности производства, так и достижению чисто коммерческого успеха. В 1930–1950 гг. инновационная инициатива уже получает распространение и определенное теоретическое обобщение уже в научно-технической области.

Критическое осмысление и позитивная оценка

Собственно экономическая наука начала активно использовать понятие «инновации» в своем аналитическом обороте где-то в 1980-е годы. Причин здесь несколько. Во-первых, в изменившихся мировых социально-политических и технико-экономических условиях в очередной раз остро обнаружилась проблема поиска новых источников и факторов экономического роста. Надо признать, что в силу известных идеологических мотивов, которые всегда присутствовали и присутствуют в экономической науке, более фундаментальная проблема выбора *стратегии, хозяйственных форм*

и институциональных порядков социально-экономического развития ограничилась лишь вопросами экономического роста. Пока итоги (теоретические и практические) этой инициативы не очень плодотворны, поскольку произошли незначительные изменения в динамике реального ВВП, и почти 60% прироста ВВП (остаток Солоу) никак не объясняются существующими подходами теорий роста. Во-вторых, сказались не только « пороки рынка », но и « пороки государства », и поэтому встал вопрос: как, в каких конкретных социально- и политико-экономических формах совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями (!) западного общества. В неявном виде органически целостное сочетание собственно экономики, политики, этики, философии, организации, права, архитектуры, дающее общий контур общества, было представлено еще в работах Смита (мы не будем пока касаться научных основ Аристотеля и Платона), семь лет преподававшего « Теорию нравственных чувств », Рикардо, занимавшегося политикой, историей, бизнесом, Маркса, юриста по образованию, В. Ойкена, главы Фрайбургской школы, Дж. Кейнса, участника Блумбергской группы. Иначе говоря, проявился в очередной раз « порок мышления », заменившего на сей раз действительно фундаментальную проблему человеческого бытия более частной и мелкой. Причем ее решение « подсказывалось » господствующими нормами капитала и частной собственности узкого ее содержания. В-третьих, следовало разрешить возникшее противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к корпоративному обобществлению, и малого бизнеса. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие « инновации » делает попытку восстановить в « экономике » ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через категорию « производительные силы » и соответствующие элементы и их взаимосвязь. Напомним, что именно использованием категорий « производительные силы » и « производственные отношения » политэкономией разрешался вопрос об источнике, экономических формах и направлении развития, а также объяснялся циклический характер и ступени перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Наконец, в-пятых, остро почувствовалась необходимость целостного, всестороннего, развивающегося и полного научного отражения крайне противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, порождая « дефект знания ». Появление разных концепций (конвергенции, диффузии собственности, теории уравнивающей силы государства, государства всеобщего потребления, технотехники и пр.) подтверждают, что « мертвые зоны » неисследованной реальности частично все-таки находили отражение в умах. « Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой « политической экономии » на отдельные современные дисциплины... Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками » [1, с. 426].

Таким образом, существенные онтологические изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования привели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением, разрешающей « дефект знания ». Но из множества накопленных проблем к началу XXI века проблема политико-экономического, социального и технико-технологического развития приобрела особую актуальность. Поэтому взоры ученых и практиков обратились к *инновационной*, которая почему-то приобрела смысл универсального средства преодоления возникшей всеобщей мировой стагнации, распространившейся буквально на все страны. Кто только не писал и не пишет сегодня об инновациях! Но если обратиться к хронологии действия и мысли, то можно обнаружить, что современный экономический

кризис поразил мир уже после того, как было написана масса книг и было сделано немало политико-экономических заявлений на разных уровнях. Для постсоциалистических стран вообще ситуация с кризисом должна бы быть по крайней мере странной: совершили такую социальную инновацию и ввели рынок как универсальное средство эффективного хозяйствования, а в результате оказались втянутыми в глобальное потрясение на всех уровнях отношений. И пока эти, как и многие другие острые, но актуальные вопросы, остаются без ответов.

Следовательно, первым и важнейшим новаторским шагом, ведущим к устойчивому развитию на разных уровнях хозяйствования, является критическое осмысление и позитивная оценка исследовательских традиций, инвентаризация применяемого категориального аппарата и алгоритма исследования, поиск новых, более эффективных методологических подходов с соответствующим аналитическим инструментарием и определение закономерностей построения не просто многочисленных концепций или программ, а именно непротиворечивой теории. Причем не какой-то лишь частной теории, которых сегодня в силу научной специализации сложилось целое множество, а фундаментальной теории, объединяющей эти локальные ветви знания и отражающей целостно политико-экономическую структуру, законы и принципы хозяйствования современной мировой экономики. Ведь то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание прошлой теории и действующее экономическое сознание. Нам нравится сложившаяся хозяйственная практика? Вряд ли кого она оставит равнодушной, особенно в силу возрастающей неопределенности и хаоса. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижений экономической теории за прошлый век, пишет: «Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [2, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [4, с. 391].

А какие же теории (теория) более или менее внятно и с учетом всех составляющих современного этапа эволюции объясняют процесс политико-экономического и социально-технического развития? К сожалению, их сегодня нет, и сегодня всех тевожатаисключительно проблемы экономического роста. Но, как показывают современные разработки, экономический рост далеко не решает всех проблем. Иногда он их даже усугубляет, как, например, в нашем случае, когда очень ограничены рынки сбыта для наших традиционных товаров, в результате чего возник, можно сказать, кризис сбыта. К тому же надо учитывать крайне устаревшую и физически изношенную технико-технологическую базу, не позволяющую уже производить конкурентную продукцию для современного рыночного пространства.

Социальная инновация

Каким-то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практический интерес и к трудам К. Маркса, в частности к «Капиталу». Востребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, в которых как раз и фокусируется внимание на поиске онтологических и гносеологических источников, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования дея-

тельности субъектов. Эти научные дисциплины дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень-то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит (истинное богатство или же трансакционные издержки), и обосновать зарабатываемость получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы [5, с. 3–23].

Однако политическая экономия, не взирая на свою живучесть даже в условиях сформированного политико-экономической элитой идеологического вакуума, из-за своей невостребованности мало чего может предложить сегодня в объяснении сложившейся ситуации в мировой экономике и отдельных странах. Забегая вперед, подчеркнем в связи с этим, что крупнейшей социальной инновацией середины XX века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. Сложная норма поведения, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта, и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, на основе идей которой выстраивались соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали успех или его неудачи, иначе стал оцениваться бизнес.

На рынке труда не мастерство стало мерилom как зрелости, так и оплаты труда, что долгие годы формировало развитие профессиональных навыков, а умение делать деньги из денег. Постепенно производительность труда перестала выступать критерием эффективности производства. Категория же воспроизводства, которая ориентировала на целостное и комплексное развитие, включающее достижения науки и ее освоение социально-производственным комплексом, вообще выпала из научного оборота. Как пишет Нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [6, с. 55].

Таким образом, анализ литературы по инновациям обнаруживает, что инновационная тематика мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в работах разного рода вопросов, эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить единую, целостную технологичную картину и, следовательно, программу инновационной политики. А разнородные новации могут противоречить друг другу, не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости.

Хороший современный дом нельзя построить без проекта в целом и хорошего в частности. Например, если у вас нет компьютера или он один, то для вас безразличны и соответствующие программы. Люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (П. Друкер), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах. Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку

в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. Кроме того, нужно отметить, что, как бы парадоксально это ни выглядело, инновационная литература не востребована тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки. Этим объясняется внимание к нанотехнологиям.

Вообще современное общество выстроило удивительную систему: *степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания*. Подтверждением этому тезису может быть не только размер доходов ученых и представителей сопутствующих профессий, но и конкурсы в вузы на получение соответствующих специальностей. Удивительно и то, что сегодня США развивается не благодаря своей системе образования, а благодаря инерции людей из развивающихся стран к знанию и образованию. Кто же кому помогает и какая социальная система более прогрессивна? Поэтому, на наш взгляд, сложилось острое противоречие между *духом наживы* (вспомним работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма») и *духом человеческого бытия*, смыслом жизни. Иначе говоря, «тело» экономики явно не в ладах с «головой», духовно-психологическим состоянием и выполняемыми функциями организма, или системы. Это то, что можно назвать «порядком из хаоса». Последнее, т.е. хаос, – это порядок, это то равновесие, по-прежнему невозмутимо описываемое, пожалуй, лишь экономистами. Но благодаря этому хаотичному порядку и извлекаются уже не просто предпринимательские доходы, а доходы рентные, распределяемые и перераспределяемые через манипуляцию сознанием. К тому же сам рынок как совокупность взаимосвязанных между собой формальных норм и неформальных правил сегодня требует огромных затрат. Эти затраты называются транзакционными издержками. Но парадокс в том, что эти затраты финансируются за счет всего общества, но в разных формах передаются бизнесу, который, осуществляя свой эгоистический интерес, уже приватизирует их как частные доходы.

Таким образом, именно здесь тоже можно обнаружить немало «социально-экономических инициатив», т.е. новаций, выражаясь «инновационной терминологией», позволяющих осуществлять «спекулятивную экономику». Научная специализация, утрата наукой эвристической прогнозной функции, разобщенность рынков и доминирующее влияние спекулятивной нормы поведения хозяйствующих субъектов, поддерживаемых официальными институтами, создали ситуацию неопределенности, обострив эту проблему до хаоса. В свою очередь, ситуация неопределенности как делает непредсказуемыми научные результаты, так и (еще в большей степени) предполагает крайне рискованным процесс внедрения и использования разного рода новинок, технических разработок.

Заключение

Рамки статьи не позволяют заложенные методологические предпосылки использовать для прикладного анализа результатов инновационной программы и политики в нашей стране. Но даже беглый взгляд на общую статистику, на специализированные данные соответствующих структур, которые как бы организуют и сопровождают инновационные программы, оценка уровня конкурентоспособности белорусских товаров и – как результат – размер отрицательного торгового сальдо и валового внешнего долга страны, позволяют заключить, что от частной и достаточно неопределенной национальной инновационной программы следует переходить к теории и, соответственно, хозяйственной практике *социально-экономического развития*. Экономистам-теоретикам, политикам, хозяйственникам давно пора уже понять, что рынок представляет лишь одну из воспроизводственных фаз – производства, распределения, обмена и потребления. Сам по себе рынок не иницирует и не разрабатывает новых изделий и не

производит старых. Все это делают люди, имеющие разную подготовку и мотивированную специализацию. *Инновации* создают люди от науки, инженерные работники, технологи, техники. Именно эти люди, а не банки финансируют основы научно-технологического развития. Ведь становление работника высшей квалификации охватывает почти три десятка лет, которые финансируются его семьей, личными нервно-физическими издержками. Можно внедрять лишь то, что эти люди сгенерировали и создали. К тому же кроме самих разработок необходимо формирование общего *научно-технологического потенциала* в стране. Вот издержки по созданию такого потенциала, равно как и *социального капитала*, должны компенсироваться за счет всего общества, создавая работникам научно-технической, образовательной и медицинской сфер реальную экономическую мотивацию. И только потом уже должны «работать» деньги и инноваторы-предприниматели. Но эта связь должна быть равнопартнерской и экономически выгодной обеим сторонам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бьюкенен, Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды / Дж. Бьюкенен. – М., 1997.
2. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2.
3. Самуэльсон, П. О чем думают экономисты: беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. – М., 2010.
4. Стиглиц, Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. – 2003. – Вып. 3, № 3.
5. Лемещенко, П.С. Институциональная природа денег, Или к основанию тайны финансового кризиса // Социология. – Минск : БГУ. – 2009. – № 1.
6. Кругман, П. Великая ложь / П. Кругман. М., 2004.

Lemeschenko P.S. Innovative Stalemate: from Program to Political Economy Development

In article theoretical bases of formation of social innovations in socioeconomic development are considered. Various approaches to its substantiation within the limits of the comparative theoretical description belonging to several economic schools are used. Recommendations about formation of institutes of scientific and technical development of Belarus are made.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011